

ЕЛЕН

СТРАННИЦА МИРОВ

КНИГА ТРЕТЬЯ:
ПЕЧАТЬ ОГНЕННОГО КОДА

МИРРА СТЕРН

КНИГА ТРЕТЬЯ

Мирра Стерн

**Элен. Страница миров Книга
третья. Печать Огненного кода**

«Автор»

2026

Стерн М.

Элен. Страница миров Книга третья. Печать Огненного кода /
М. Стерн — «Автор», 2026

Мистический триллер Пройдя через сакральные инициации в Гималаях и Тибете, доктор Элен сталкивается с самым опасным вызовом — с темными силами, облаченными в костюмы корпоративной элиты. Действие переносится в Нью-Йорк, где фармацевтический гигант «КХМЕД» готовит запуск инновационного препарата «Лумен». За красивым фасадом омолаживающего средства скрывается биотехнологический инструмент для полного контроля над человеческим сознанием. Ключ к окончательной формуле «Лумена» скрыт в генетическом коде самой Элен: после гималайских трансформаций её ДНК стала единственным живым катализатором «Огненного кода». Опираясь на помощь сына Святослава, обладающего феноменальным аналитическим чутьем, и верных соратников, Элен вступает в тайную войну на стыке древней магии и нанотехнологий. Ей предстоит не просто расшифровать сакральные символы и спасти наследие Хранителей, но и принять свою истинную духовную природу, чтобы предотвратить порабощение человеческих душ.

© Стерн М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Книга третья. Печать Огненного кода	6
Оглавление	7
Мирра Стерн	8
Предисловие от автора	8
Глава 1. Первый сигнал	10
Глава 2. Вернисаж	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мирра Стерн
Элен. Страница миров Книга
третья. Печать Огненного кода

Глава

Элен. Страница миров

Книга третья. Печать Огненного кода

Мирра Стерн

© Mirra Stern, 2026. All rights reserved.

Mirra Stern Books, 2026

Cover design: Slava Petersson

«Пространственный Огонь стремится к сердцу, и в этом принципе заложен весь космический процесс».

— Из писем, 1929. Helen Roerich

Оглавление

- Глава 1. Первый сигнал
- Глава 2. Вернисаж
- Глава 3. Формула, которая помнит
- Глава 4. Свиток, который ждал
- Глава 5. Реставрация, которая ничего не реставрирует
- Глава 6. Вечер в отеле
- Глава 7. Память, которая просыпается
- Глава 8. Приманка
- Глава 9. То, что хранится вдали от глаз
- Глава 10. Вспышка в ночи
- Глава 11. Второй визит
- Глава 12. Огненная Частота
- Глава 13. Заземление
- Глава 14. Флешбэк: Тайна падения над Атлантикой
- Благодарности
- Факты

Посвящается моей маме — за безусловную веру, которая была со мной на каждом шагу этого пути, и за то, что она научила меня не бояться идти туда, куда ведёт сердце.

Мирра Стерн

Предисловие от автора

Есть истории, которые не начинаются — они продолжаются. Эта началась не в Нью-Йорке и даже не в Осло. Она началась в тот момент, когда я впервые почувствовала, что моё тело помнит то, чего не помнит разум.

Меня зовут Элен. Двадцать лет я лечила чужие тела в своей клинике в центре Осло, свято веря, что человек — это то, что можно увидеть на снимке и прочитать в анализах. Рядом со мной, всегда на полшага впереди опасности, — мой сын Святослав, специалист по искусственному интеллекту с умом настолько точным, что иногда мне кажется, будто он видит будущее раньше, чем оно наступает. Есть ещё двое, без кого этой истории не было бы вовсе. Алекс — блестящий бизнесмен из Сити, для которого биржевые графики и звёздные карты значат почти одно и то же, если знать, куда смотреть. И Мишель — искусствовед, для которого древний символ на холсте способен сказать больше, чем страница учебника истории, потому что он не просто изучает древние тайны — он один из немногих, кто ещё помнит, как их читать. Мы нашли друг друга не случайно. Об этом — в первой книге.

К началу этой истории судьба — если это была она — свела меня с человеком по имени Ким. Обходительный, безупречно вежливый, он представлял КХМЕД — фармацевтического гиганта с офисами по всему миру. Ему нужна была я. Точнее, то, что живёт в моей крови с тех пор, как Гималаи впервые тронули меня своим огнём. Я подписала контракт — там же, в Осло. Название препарата, «Лумен», обещало вечную молодость. Я не сразу поняла, что оно обещает что-то ещё.

Рейс Осло — Нью-Йорк должен был занять восемь часов и не запомниться ничем, кроме скуки делового перелёта.

Он не запомнился ничем обычным.

Самолёт падал.

Так заканчивалась моя вторая книга — и так, признаюсь, заканчивался для меня не один месяц, пока я писала эту, третью. Я оставила вас, читатель, над чёрной бездной Атлантики, с двумя мужчинами в проходе салона и кейсом, в котором тихо светился красный таймер. Я знала, чем это закончится. Вы — нет. Если быть до конца откровенной, какое-то время не знала и я сама: некоторые вещи память отдаёт не по порядку, а только тогда, когда тело наконец готово пережить их снова, не разрушившись. Так что если вы дочитаете эту книгу до конца, вы получите ту сцену, которую я придержала. Она там — ближе к финалу, там, где ей и было место всё это время.

Пока скажу лишь то, что вам нужно знать, чтобы идти дальше: мы выжили. Самолёт всё-таки долетел туда, куда должен был долететь, — просто это оказалось не концом истории, а её порогом. Нью-Йорк ждал нас ровно там, где и планировался. Не ждало только то, что мы там нашли.

Огненный Код, который очнулся во мне в небе над океаном — от боли, от ужаса, — в Нью-Йорке пришлось разбудить снова. Уже осознанно. Уже по собственной воле. Разница между этими двумя пробуждениями и есть, пожалуй, единственное, чему я по-настоящему научилась за эти дни.

Если вы открываете эту историю впервые — не бойтесь. Вы просто входите в комнату, где буря уже началась. Дышите с ней в такт, и вы всё поймёте по ходу дела.

А если вы со мной с самого начала — из заснеженного Осло, через Сикким, священный Тибет и ледяные перевалы, из того первого прикосновения к тому, что спало во мне эпохами,

— держитесь крепче. Круг, о котором так много писала Елена Ранге, начинает замыкаться. И то, что в нём заключено, больше не спрячешь — ни от КХМЕД, ни от меня самой, ни от вас.

Мирра Стерн

Осло — Нью-Йорк, 2026

Глава 1. Первый сигнал

Мы приземлились в 6:14 утра.

Трап подали через двадцать минут. Никого из двух мужчин в тёмных костюмах на борту так и не обнаружили.

Я вышла из самолёта последней. Святослав шёл рядом — молча, плечом к плечу, как шёл со мной в Тибете, когда мы покидали дом с отравленным чаем. Та же походка. Та же внутренняя тишина после предельного напряжения — когда тело ещё не решило, можно ли наконец выдохнуть.

Аэропорт Кеннеди гудел тем особым, безличным гулом, который одинаков во всех крупных аэропортах мира и именно поэтому никогда не успокаивает.

Дебетовые карты не работали. Джемма, представитель фармацевтического гиганта КХМЕД, которая должна была встречать нас с табличкой, не появилась. Указанный в документах номер ответил лишь сухими короткими гудками.

Мы уже направлялись к выходу, когда я заметила его.

Мужчина стоял у дальней колонны. Невысокий, в простой тёмной куртке. Он не смотрел на нас прямо, но в тот момент, когда наши взгляды пересеклись, вдруг двинулся навстречу.

Подожёл совсем близко.

— Извините, — сказал он мягко, с лёгким акцентом. — Вы не хотите купить билеты на вернисаж в Манхэттене сегодня вечером? Очень интересная экспозиция. Редкие артефакты. Особенно для тех, кто... ищет.

Святослав нахмурился, заслоняя меня плечом:

— Какие билеты? Здесь не продают билеты на вернисажи.

Мужчина не ответил. Он внимательно заглянул мне в глаза — пристально, глубоко, будто искал что-то за самими зрачками. На долю секунды в его взгляде мелькнула знакомая холодная голубовато-белая искра.

Затем он едва заметно улыбнулся — и исчез. Просто повернулся и растворился в потоке людей так быстро, что через три секунды я уже не была уверена, существовал ли он на самом деле.

— Ты видел? — тихо спросила я.

— Кого? — Святослав оглянулся. — Там никого не было, Элен.

Я моргнула. По позвоночнику прошла холодная, узнаваемая дрожь — та самая, что уже настигала меня среди тибетских снегов Поталы и ледяных ветров Намцо.

Багаж нашёлся только через два часа: просто появился на ленте без объяснений, будто и не пропадал вовсе.

— Элен, — тихо сказал Святослав, когда мы катили чемоданы к выходу. — Это не похоже на компанию, которая прислала нам контракт на тридцать две страницы.

— Нет, — согласилась я. — Не похоже.

Мы оба знали: это не ошибка организации. Это сигнал. Первый из многих.

Только в такси, когда за окном запестрели индустриальные пейзажи Куинса, мой телефон наконец ожил и коротко вибрировал. Сообщение от Джеммы. Никаких извинений. Ни слова о том, почему нас не встретили и где были наш багаж и связь. Только сухие строки:

«Экспозиция КХМЕД. Пятая авеню, 19:00. Дресс-код: коктейльное платье, смокинг. Вас ждут».

Я выключила экран.

Нью-Йорк ждал снаружи — огромный, равнодушный, не спрашивающий имён. Небо над Манхэттеном за лобовым стеклом было белым и плоским, как чистый лист.

Я думала о двух мужчинах в тёмных костюмах, которых так и не нашли на борту.

Я думала о голосе Ориона, прозвучавшем в темноте падающего самолёта:
«Не бойся. Они не могут остановить то, что уже проснулось».
Игра продолжалась. Просто теперь — на другом поле.

Глава 2. Вернисаж

Галерея занимала весь верхний этаж старого здания на Пятой авеню — высокие потолки, минималистичные белые стены, развешанные на них полотна современных художников, «вдохновлённых духовными традициями Гималаев», с ценниками, которые могли бы прокормить небольшую тибетскую деревню целый год. Протокольная программа КХМЕД называла это «культурным введением в контекст проекта».

Джемма — всё та же улыбка, всё тот же бейдж без фамилии — вручила нам бокалы у входа и растворилась в толпе с профессиональной бесшумностью человека, обученного присутствовать незаметно.

Святослав взял бокал и не притронулся к нему. Я сделала то же самое.

Зал был полон людьми, которых я не знала, но узнавала по типу: дорогие костюмы, тихие, точные жесты, разговоры вполголоса о вещах, которые не называют прямо. Финансисты, кураторы, люди с должностями, занимающими три строчки на визитке.

И где-то у дальней стены, в окружении именно таких людей, — Алекс.

Он появился в зале так, как появляются люди, привыкшие к тому, что пространство перераспределяется под них автоматически. Не вошёл — материализовался в центре светского ядра, окружённый двумя мужчинами в безупречных костюмах и женщиной с длинной шеей и выражением лица человека, принятого при дворе. Он говорил — они слушали. Шампанское в его руке не убывало: он не пил, а держал бокал как атрибут статуса. Тот же Алекс из московского Сити, умноженный на нью-йоркский масштаб.

Я смотрела на него несколько секунд до того, как он заметил меня, и чувствовала что-то нелогичное, неуместное в его присутствии здесь.

Три месяца. Достаточно, чтобы забыть запах горной крови и пиявок — или научиться делать вид, что забыл. Он выглядел безупречно. Слишком безупречно для человека, который три месяца назад стоял на краю пропасти над Канченджангой и кричал от страха перед тем, что горы показали ему в темноте.

Он увидел меня — и на долю секунды что-то в нём замерло. Лицо не изменилось — Алекс был слишком опытен для этого. Но рука с бокалом чуть напряглась.

Он извинился перед своей группой — коротко, без объяснений, как человек, у которого нет обязательства объяснять, — и подошёл.

— Элен. — Ни удивления, ни вопроса. Просто имя, произнесённое с той взвешенностью, которая могла означать и «я рад тебя видеть», и «я знал, что это ты, когда увидел имя в списке гостей».

— Алекс.

Мы не обнялись. Просто смотрели друг на друга секунду дольше, чем требовало вежливое приветствие, — секунду, в которой поместились горы, кровь, страж с фосфорическими глазами и тот последний взгляд у порога монастыря, который так и не превратился в слова.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал он наконец. Светски. Почти бесцветно.

— А ты вернулся к себе, — ответила я так же ровно.

Лёгкая пауза. В ней — укол. Оба его почувствовали.

— Мир больших денег ждать не умеет, — произнёс он, слегка поворачивая бокал в пальцах. Усмешка — тонкая, почти незаметная. Защитная. — В отличие от гор.

— Горы тоже не ждут, Алекс. Они просто помнят.

Что-то в его лице чуть дрогнуло. Почти незаметно. Именно «почти» — я научилась читать Алекса ещё в Сиккиме, где горы срывают любую маску, и теперь знала: то, что для других выглядело как светская непроницаемость, для меня было открытой книгой.

Подошёл Святослав. Поздоровался сдержанно — без той молодой открытости, с которой они общались три месяца назад. Что-то изменилось и в нём после экспедиции — он стал внимательнее к людям, осторожнее с доверием.

Алекс это уловил. И понял, что мы тоже всё видим.

— Вы оба стали другими, — сказал он тихо, и в этой тишине наконец прорвалось что-то живое — не бизнесмен, не меценат, не завсегдатай закрытых аукционов. Человек, который видел в горах то, чего не хотел видеть, и теперь не знает, что с этим делать. — После Сиккима.

— Мы все стали другими, — сказала я. — Вопрос в том, что каждый с этим сделал.

Снова пауза. На этот раз длиннее.

Он смотрел на меня с тем особым выражением, которое я видела у него один раз — у порога монастыря, когда он стоял снаружи, не решаясь войти, и в его глазах боролись гордыня и острое сожаление. Сейчас это выражение было другим — взрослее, тяжелее — как будто за три месяца он нашёл ответ на какой-то вопрос, но ответ оказался не тем, которого он хотел.

— Ты подписала контракт с КХМЕД, — сказал он. Снова — не вопрос.

— Откуда ты знаешь?

Алекс чуть помедлил — ровно столько, сколько нужно человеку, решающему, сколько правды выдать за один раз.

— Потому что я владею миноритарным пакетом акций КХМЕД. — Он произнёс это ровно, без интонации, как произносят факты, которые уже не изменить. — И потому что финансирую часть их культурных инициатив уже два года. Я вошёл в акционерный капитал через фонд, через партнёров. Тогда это выглядело как перспективный биотех с серьёзными клиническими разработками. Регенеративная медицина, антиэйджинг — именно тот сектор, который я считаю следующей большой волной. Я провёл due diligence. Всё было чисто.

Пауза.

— Или выглядело чисто.

Святослав смотрел на него не отрываясь:

— То есть ты финансово заинтересован в успехе того контракта, который она подписала.

— Да, — сказал Алекс. — В этом и проблема.

Он наконец отставил бокал на поднос проходящего официанта — и впервые за весь вечер его руки оказались пустыми.

— Три недели назад я начал замечать движение внутри акционерной структуры, которое мне не объяснили. Деньги идут не туда, куда должны идти в серьёзном биотехе. Не в лаборатории, не в клинические испытания — куда-то ещё. И когда я увидел твоё имя в списке новых консультантов высшего уровня, я понял, что это не случайность. И что я должен был позвонить тебе раньше.

— И ты не позвонил, — сказала я тихо.

— Нет.

— Почему?

Он посмотрел на меня — долго, без привычной защитной лёгкости — и я увидела в его глазах то же, что видела три месяца назад у порога монастыря: гордыню и острое сожаление, стоящие рядом, как двое, которые не умеют разойтись.

— Потому что для этого нужно было признать, что я три года инвестировал в структуру, которую недостаточно понял. А это, Элен, — он чуть усмехнулся, криво, без удовольствия, — для меня примерно так же просто, как для тебя было бы сказать пациенту, что ты поставила неверный диагноз.

Это был честный ответ. Пожалуй, самый честный, который я от него слышала.

— Сколько у тебя акций? — спросил Святослав напрямую.

— Достаточно, чтобы потерять серьёзные деньги, если скандал выйдет наружу. И недостаточно, чтобы влиять на решения совета. Классическая ловушка для умного миноритария, который думал, что умнее структуры, в которую входит.

Из-за его плеча появился Мишель — подошёл медленно, будто случайно, но я поняла: он наблюдал за нами всё это время с противоположного конца зала. Его взгляд был, как всегда, чуть прищурен — взгляд человека, который видит не только то, что происходит, но и то, почему.

— Элен, — сказал он просто.

И в этом простом «Элен» было всё из Сиккима сразу — и долгий подъём, и кровь от пиявок, и его сорванный крик посреди ночной пропасти: «Я всю жизнь только брал!» — и то смирение, которое он нашёл наверху, неся чужой рюкзак в ледяной тьме.

Мы обнялись — по-настоящему, как обнимаются люди, которые прошли что-то вместе и знают цену этому.

Алекс смотрел на это молча. И я увидела в его глазах то, что он никогда не сказал бы вслух: лёгкую, почти незаметную зависть к тому, насколько чисто и просто Мишель умеет капитулировать перед чем-то большим, чем он сам.

— Я не поверил Алексу, когда он написал мне. То есть поверил — но не сразу понял масштаб, — сказал Мишель. — Элен. Святослав. До сих пор мне наша встреча кажется скорее сном.

— Происходит наяву, — сказал Святослав, и в его голосе я услышала ту же смесь радости и настороженности, что чувствовала сама.

— А как ты здесь оказался? — спросила я. — В смысле — на этом вернисаже, именно сегодня?

Алекс и Мишель обменялись быстрым взглядом — тем взглядом старых друзей, который говорит больше, чем слова.

— Я консультирую галерею по подлинности нескольких тханок из экспозиции — точнее, по их атрибуции, там половина датировок вызывает вопросы, — добавил Мишель. — Совпадение расписаний. Простое, хочу заметить, хотя сам себе не очень верю, когда это говорю.

Я посмотрела на них обоих — на эту слишком удачную, слишком своевременную встречу — и подумала о синхронистичности, которую сначала принимаешь за случайность или удачу.

— Совпадение, — повторила я тихо.

— Совпадение, — подтвердил Алекс, но что-то в его взгляде подсказывало, что он сам не до конца в это верит.

— Нам нужно поговорить, — сказал Алекс наконец, обращаясь ко всем троим сразу. Голос стал другим — деловым, точным, тем голосом, которым он говорил в стеклянных высотках, принимая решения, от которых зависят миллионы. — Не здесь. Завтра вечером. В восемь.

Он оглянулся через плечо — туда, где у дальней стены господин Ким поднимал бокал в коротком, безмолвном тосте, не глядя в нашу сторону.

— И кое-что ещё. — Он снова посмотрел на меня — уже без брони, без светского фильтра. — Я должен вам кое-что объяснить. По поводу Сиккима. Я должен был сказать это три месяца назад — у порога. Но не смог.

Он сделал короткую паузу — ту самую паузу, в которой у сильных людей умещается то, что они привыкли не произносить вслух.

— Я был трусом там, наверху. Не физически. Внутри. И вы оба это видели.

Святослав посмотрел на него спокойно — без осуждения и без немедленного прощения, просто с той взрослой, горной прямоотой, которой в нём не было до экспедиции.

— Мы знаем, — сказал он. — И мы здесь.

Я почувствовала, как глубинная тревога у сердца едва заметно отступила, уступая место собранности. Как будто что-то невидимое, расставившее нас по этим четырём точкам в одном зале, удовлетворённо завершило работу.

— Завтра в восемь, — сказала я.

Алекс уже разворачивался обратно к своей группе — безупречный, собранный, снова весь в броне. Остановился на полушаге.

— И, Элен. — Не обернулся — просто голос, брошенный через плечо, негромко, почти для себя. — Рад, что ты здесь. Несмотря ни на что.

Он не ждал ответа. Просто кивнул — коротко, как тогда, у монастырской двери — и растворился в толпе.

Мишель встал рядом со мной, провожая его взглядом.

— Он изменился, — сказал он тихо. — Совсем немного. Но изменился.

— Недостаточно, — ответил Святослав.

— Достаточно, чтобы прийти. И это уже немало — для человека, который три месяца выбирал, куда смотреть, лишь бы не в глаза, — возразил Мишель.

Не успела я обдумать его слова, как воздух рядом со мной на долю секунды словно похолодел — тем самым холодом, который я не спутаю уже ни с чем с той самой встречи в моём кабинете в Осло.

— Доктор Элен.

Голос — ровный, безупречно вежливый, с едва уловимым акцентом, происхождение которого я так и не смогла определить. Я обернулась, почти не удивившись: весь вечер, с той секунды, как увидела его имя в списке гостей, я знала, что этот голос рано или поздно прозвучит у меня за спиной.

— Господин Ким.

Он слегка склонил голову — тот же жест, выверенный до последнего градуса, что и недавно, когда он сидел напротив меня за столом моей клиники и спрашивал, помню ли я снежный перевал под Намцо.

— Рад видеть вас в добром здравии, — сказал он. — Контракт, который вы подписали в Осло перед вылетом, начинает обретать практический смысл именно здесь. Формула «Лумен» получит именно то, чего ей сейчас не хватает.

— Мы могли обсудить детали и без личной встречи, — заметила я тем же ровным тоном, каким говорила с ним тогда, за своим столом, где перевес сил хотя бы формально был на моей стороне.

— Разумеется, мог, — он едва заметно улыбнулся, и улыбка эта, как и в прошлый раз, не поднялась выше рта. — Но некоторые вещи нужно видеть своими глазами, чтобы окончательно в них увериться. Тем более что подпись — это только начало, доктор Элен. Настоящая работа начинается сейчас.

За его спиной, у ближайшего канделябра, пламя свечи вдруг дрогнуло — не от сквозняка, а будто отпрянуло. И тут же, на одно короткое мгновение, воздух между нами загустел тем самым химическим, въедающимся привкусом, который я помнила с того момента в Осло, когда вентиляция клиники неожиданно подвела. Здесь, посреди шумного зала, никто, кроме меня, кажется, этого не почувствовал — запах истаял так же быстро, как возник.

— Приятного вечера, доктор Элен, — сказал он и, не дожидаясь ответа, растворился в толпе с той же беззвучной, скользящей лёгкостью, с какой появился.

Я осталась стоять, чувствуя, как по позвоночнику медленно поднимается холод — тот, что не спишешь ни на кондиционер, ни на сквозняк, ни на разыгравшееся воображение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.